

Татьяна Игнатова

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА. ХРОНИКА ПЕЧАЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

*«... В полях, где приют благочестных,
Он Эвридику нашел и желанную принял в объятья.
Там по простору они, то гуляют друг с другом,
То он за нею идёт, иногда впереди выступает, –
И, не страшась, за собой созерцает Орфей Эвридику»
Овидий, "Метаморфозы", перевод С. В. Шервинского*

В этом эссе я хочу посмотреть на миф об Орфее и Эвридике сквозь призму юнгианского взгляда и своего личного восприятия, сформировавшегося во многом в мои университетские годы, благодаря богатому культурному багажу, полученному мной от культурологов, искусствоведов, теоретиков литературы и филологов, обогативших меня познаниями о человеке. Я хочу посвятить это эссе моим Учителям-поводырям: ушедшему доценту кафедры зарубежной литературы Камышеву Виктору Семеновичу, ушедшему профессору языкознания, академику РАН, заведующему кафедрой общего и исторического языкознания Санжарову Леониду Николаевичу, кандидату филологических наук Санжаровой Валентине Павловне, доценту кафедры культурологии и мировой художественной культуры сердечной Бушняковой Ольге Борисовне и кандидату филологических наук, доценту кафедры культурологии, моему строгому руководителю и чуткому поводырю Решетовой Людмиле Ивановне, чье наставничество и любовь отзывается во мне глубокой взаимной любовью к ним, теплотой и благодарностью за их веру в меня, нескончаемо питающих мою душу до сих пор.

Этот миф для меня о поиске Анимы, индивидуации и следовании орфическому мотиву своей души. Когда я размышляю об этом мифе, оставленном нам с времен Античности Овидием, меня поражает эмоциональный, чувственный аспект, настолько

потрясающий мою душу, что невозможно остаться равнодушной. Резонанс античного наследия нашел свое отражение в европейском искусстве - прекрасной опере Кристофера Глюка «Орфей и Эвридика», в работе Жана Кокто «Орфей» с Жаном Маре в главной роли и совсем недавно я вновь встретила с этим мифом в «Эрарте» уже в интерпретации современного художника Алексея Чижова. И ощущаю, как очень важный смысл пытается пробиться сейчас из темноты бессознательного, так громко заявляющий о себе, стучащий, подобно птице, в мое окно.

Я думаю о паре, о путешествии Орфея в Тартар в поисках своей жены Эвридики, об искушении Персефоны, царицы царства теней и невозможности Орфея выйти в мир живых. Я ощущаю внутреннюю драму героев и задаюсь вопросами, что значит это орфическое путешествие для современного человека? Что является собой потеря Эвридики? Какой внутренний смысл заключен для меня в этих персонажах? Какие части моей психе так живо реагируют на это?

Я проникаюсь в слух и, подобно Орфею, следую за печальной мелодией Флейты, убаюкивающей, зачаровывающей, утешающей. Это ощущение подобно погружению в сон, где объекты реальной жизни, чувства и отношения с реальными людьми становятся мало различимыми. И поскольку они не осознаваемы, они более всего захватывают, соблазняют, очаровывают и ведут к гибели – реальной возможности не пробудиться для жизни реальной, не присутствовать целиком в отношениях с собой и с другими. Это случается с Орфеем, он отдаляется от эмоциональной близости с Эвридикой и его соблазняет мир идей - иллюзорный, фантазийный, связывающей его с подземным царством смерти, управляемой Персефой. В фильме Жана Кокто Орфей – писатель, настолько тщеславный и увлеченный своим мастерством, что оно заменяет собой ежедневную, эмоциональную, насущную жизнь и отношения с живыми, чувствующими и любящими людьми. Эвридика, подобно нимфе Эхо, становится невидимой и теряет свой голос. А нарциссическая самовлюбленность Орфея не позволяет ему заметить ее исчезновение. Героем движет мир идей; мир чувств и отношений растворяется в желании достичь недостижимого Абсолюта.

Я думаю, что тщеславие, гордыня они как раз из мира теней. Они та наша часть, которая стремится быть узанной, опознанной и без которой невозможна целостность, как мир не может быть только солнечным. Без целостности нет полноты восприятия, нет полноты творчества, и тогда интеграция Теневого и ее смыслов необходимы нам для ощущения большей сцепки с реальностью. Эта необходимость объясняется первичной неотраженностью нам матерью всей гаммы чувств и состояний так, чтобы мы могли сложить в свое время целостный образ себя самого. И тогда, эта потребность в признании и отражении в максимальном ее воплощении выражается в тщеславии, гордыни, самолюбовании, достигающей степени отчужденности от отношений с реальными, обычными людьми, имеющими иной опыт отражения в ранние годы. И поскольку Теневое вытеснено и стучится, напоминая о себе раздражением, недовольством, обесцененностью того, что ранее вдохновляло и радовало, оно нуждается в интеграции – признании своего права быть наряду с позитивными чувствами, эмоциями, состояниями. Теневое, желая быть узанным, соблазняет и манит. Оно обладает сильной энергией, могущей дать нам много полезного при ее правильном употреблении. Персефона соблазняет. Неподготовленное ЭГО сознание, думающее, что рационализацией, можно спуститься в Тартар, гибнет, оставаясь так не пробужденным для жизни реальной. Орфей, найдя Эвридику, остается в царстве смерти и вновь теряет Эвридику.

Очень важен для меня момент поиска – нахождения – потери Эвридики. Как случилось, что обретенная Орфеем Эвридика исчезла? Как происходит, что найденное нами не удерживается нами? Я думаю, что Эвридика воплощает Аниму – живую, благотворную часть души мужчины, без которой невозможно взаимодействие ни с кем и ни с чем. Анима – есть связь, она клей любых отношений, она душа отношений мужчины с собой и с другими. Когда она негативна, мужчина тщеславен, конфликтен, резок, фальшив в своих чувствах и малодушен, у него нет вдохновения, воображения, таланта. Он постигает жизнь одним лишь способом – рациональным, формальным, рутинным, что конечно же, не полно и не несет удовольствия. Жизнь становится болотом и тоской зеленой. Но как она нуждается во вдохновении, свежести чувств и ощущений, за которыми надо отправиться на поиски в Тартар, ведь они давно хранятся там под амбарным замком из-за страха быть обнаруженными, поскольку ранее не было опыта их проживания, безопасного обращения с ними. Они остались страшными, неизвестными и угрожающими тщательно выстроенной Персоне, тому образу самого себя, который мог бы быть приятен и одобряем в социуме, но часто мало являющимся естественным своим воплощением. И тогда Персефона в мифе воплощает эту негативную Аниму мужчины, соблазняясь которой он остается в царстве Теней.

Одно из условий возвращения из подземного мира в реальный мир – идти не оглядываясь назад, идти ощущая доверие Эвридике, которая идет следом. Но этого не происходит. Орфей теряется в сомнениях и оглядывается, Эвридика исчезает, Тартар поглощает Орфея. И я вижу, как невозможно возвращение к реальным отношениям, полных чувств - к Эвридике, поскольку негативная Анима более весома. Я думаю, какие тяжелые душевные раны были когда-то нанесены Орфею, что он не может довериться светлым чувствам своей души, которые смогли бы вывести его из подземелья? Поглощенность негативом, подобно глубокому, беспробудному сну, настолько оказалась сильна, что привела к смерти духовной и физической. Чувства, не принятые ранее, отщепленные и не интегрированные ЭГО, подобно ревностным вакханкам, разрывают Орфея на части, лишая его жизни.

Всматриваясь в картину Алексея Чижова «Орфей и Эвридика», я ощущаю как тонко художник постиг всю суть мифа, современного поныне, как проникновенно показал тщетность усилий героя, окруженного царством сна, будто ему, ведомому негативной Анимой, остается лишь плыть по течению реки Стикса за невозвратимой, необретенной своей ранимой, эмоциональной, живой душевной жизни - Эвридики, уносящейся водами смерти. Вот что значит потерять Эвридику, не подчиниться тому закону жизни, где в балансе должно быть телесное и духовное, чувственное и рациональное, интуитивное и ощущаемое. Для меня миф об Орфее и Эвридике – миф о пробуждении орфического аспекта души – нахождении своей Души в подземельях Духа, следование ей, доверие ее целительной силе, позволяющей не оглядываться на то, что дает лишь временную безопасность в тисках ЭГО сознания, но не ведет к полноте – Самости – наивысшему воплощению себя на этой земле. Миф об Орфее и Эвридике подобен хронике печального путешествия, поиске Дома души, так и не обретенного:

У человека тело

Одно, как одиночка.

Душе осточертела

Сплошная оболочка

С ушами и глазами
Величиной в пятак
И кожей - шрам на шраме,
Надетой на костяк.
Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.
Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, -
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?
И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.
Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный,
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело и сухо
Земля шумит в ушах.

Стихотворение Арсения Тарковского "Эвридика", 1961г.

Иллюстрация к статье:

фото работы Алексея Чижова «Орфей и Эвридика» в частном музее современного искусства «Эрарта» в г. Санкт-Петербург.